

Лев Власенко (www.refantasy.com), 2011

Иллюстрации: Юлия Хоменко (Yugiko88)

[Рассказ написан для конкурса «Креатив 10, или «1:0 в пользу...»](#)

Цветы Мананнана

Чтение летописей — не самое увлекательное занятие. Но когда среди забытых имен находишь собственных предков, отношение к истории тотчас меняется. Так случилось и со мной летом 1898 года. Закончив второй год обучения в университете, я решил посвятить свободное время личным делам. Тогда я ухаживал за девушкой из знатного рода и мне хотелось доказать ее родителям, что я являюсь лучшей партией для их дочери. Для этого я решил составить генеалогическое древо своей семьи, йоркширских Блэкстонов.

Перебирая церковные книги и другие документы, я наткнулся на любопытную историю, связанную с одним из моих дальних родичей. Описанные события полностью захватили мое воображение, и я решил изложить эту историю в своем дневнике.

Прежде чем начать повествование я позволю себе сделать небольшое, но необходимое вступление и рассказать о прошлом моей семьи. Как известно, большинство европейских благородных семей возводят свою родословную самое меньшее к Гектору или Агамемнону, признаться, мои родичи также не были лишены подобных предрассудков. Обойдя стороной очевидные мифы, следует сказать, что первые упоминания о йоркширских Блэкстонах были сделаны в XII веке.

Моя семья никогда не отличалась набожностью. Задолго до Реформации Блэкстоны заслужили славу вольнодумцев. Отчасти благодаря столь сомнительной репутации мой предок Джеффри Блэкстон оказался на стороне «круглоголовых» в гражданской войне и позже участвовал в ирландской экспедиции Кромвеля. Когда пришло время победителям делить добычу, Джеффри оказался достаточно предприимчивым, чтобы отхватить солидный кусок ирландской земли. Он догадался выбрать отдаленное и дикое место, поэтому после падения Республики никто не претендовал на его владения и Блэкстон не только благополучно попал под амнистию, но и

добился, чтобы его вексель на владение землей был подтвержден королевским словом. Так он стал лордом Блэкстоном.

Земля, которую получил во владение сир Джеффри, располагалась неподалеку от северного побережья Ирландии, в графстве Донегал. До английской оккупации здесь стоял гордый престол могущественного клана О'Доннелл, второго по силе на всем острове. Когда зашла речь о возведении усадьбы строители заломили несусветную цену за свои услуги, объясняя ее сложностью по транспортировке материалов. Тогда лорд Блэкстон принял неслыханное решение — взять камень с холма Гринэн. Этот знаменитый на все графство пологий холм венчали развалины древней крепости. Покинутая и разрушенная, она пребывала в запустении: стены осыпались, поросли мхом и почти наполовину своей высоты вросли в землю. В незапамятные времена эта твердыня была столицей одного из ирландских королевств, но еще раньше первые камни на вершине холма заложили древние обитатели зеленого острова — народ из мифов и песен, Туата Де Даннан.

Использовать камень с Гринэн для строительства собственного дома казалось ирландцам даже не святотатством, а просто безумием, но лорд Блэкстон был непреклонен в своем решении. Он нанял отчаянных людей из числа бывших английских солдат, и еще до зимы следующего года работа была закончена. Джеффри тотчас переселился в новый, просторный трехэтажный особняк, достаточно прочный, чтобы выдержать осаду небольшой армии, и достаточно уютный, чтобы его можно было с полным правом называть домом. Вместе с лордом в усадьбу вселилась его немногочисленная челядь, а позже он ввел под этот кров и свою молодую жену. Три года спустя родился первый ребенок лорда Блэкстона — девочка, которую называли Блoduин.

Здесь и начинается обещанная мной захватывающая история. Я привожу ее по возможности без искажений, но беру на себя труд несколько осовременить язык оригинала, чтобы не отпугнуть читателя присутствующими в тексте архаизмами.

Блодуин унаследовала красоту матери и твердый характер своего отца.

Влияние лорда Джеффри на дочь усилилось после того, как леди Блакстон умерла от болезни. Девочке тогда еще не исполнилось и пяти лет, и отец сделал ее сосредоточием всех своих надежд и мечтаний. Он потакал любым капризам своей дочери, и она сделалась властной и капризной. Слуги не задерживались в доме Блакстонов, и лорд вынужден был искать их по окрестным селам, среди ирландцев.

У Блодуин было отменное здоровье, но она была подвержена приступам меланхолии, которые вызывали у отца сильную тревогу. Девочка любила запах цветов, но вид увядших бутонов приводил ее в глубочайшую скорбь — их съезжившиеся, склонившиеся черные головы напоминали ей, что однажды она тоже состарится и умрет. Блодуин не боялась смерти, она боялась потерять свою красоту. Поскольку девочка выросла в достатке, с детства окруженная заботой, все в мире казалось ей восполнимым, кроме увядания собственного тела. Взросление невозможно было замедлить, остановить или обратить вспять. Оно неизбежно должно было смениться старением, а с этим она смириться не могла.

Охватывающее Блодуин волнение не укрылось от отца. Тогда лорд Блакстон придумал хитрость. Он заполнил комнаты дочери искусственными цветами и в каждый букет добавлял несколько живых — для запаха. Каждое утро, пока маленькая госпожа завтракала, бдительные слуги искали живые

цветы и обновляли их. Так создавалось впечатление, что время остановилось и цветение продолжается вечно.

Весну сменило лето, нарциссы отцвели и на их место пришли полевые цветы. Пришла осень — и вазы наполнились зверобоем. Но вот наступила зима, снег укрыл ирландскую равнину, и нигде больше на ней не осталось живых цветов. Вазы в комнате Блoduин опустели, и к девочке вернулась прежняя грусть. Ребенок стал часто болеть, и даже в самые солнечные и погожие дни у нее был бледный и нездоровый вид.

Лорд Блакстон не знал покоя, он хотел построить зимний сад с оранжереей, но ничего не выходило: холод проникал сквозь стекло и уничтожал нежные зеленые ростки. Безутешный отец готов был душу продать за корзину ромашек — и его мольбы были услышаны.

Однажды на пороге усадьбы появился незнакомец. Он был одет в светлый костюм и высокие сапоги для верховой езды. Гость был стройным и красивым, с запоминающимся лицом и большими, широко расставленными глазами василькового цвета. Слуги хотели прогнать его, но странный гость тотчас привлек внимание лорда Блакстона, продемонстрировав живой красный цветок.

Джеффри пригласил незнакомца в дом, провел его в гостиную и предложил выпить виски.

— Я знаю всех своих соседей, — неторопливо протянул лорд, разглядывая цветок, — я тешу себя надеждой, что знаю всех ирландцев живущих в округе, но вас я вижу впервые.

— Вы правы, я даже не из графства Донегал, — улыбнулся мужчина с васильковыми глазами, — меня зовут Мананнан Мак Лир, я родом из Эмайн Аблах, Яблочного имения.

— Никогда не слышал ни о вас, ни о ваших владениях, — нахмурился лорд Блакстон, — прошу простить мою неосведомленность.

— Что вы, никаких обид.

Весь вечер лорд Блакстон вежливо расспрашивал Мананнана о делах, которые привели его в эту часть острова, пока не перевел разговор на интересующую его тему:

— Ваш цветок привлек мое внимание. Надеюсь, вы поделитесь со мной тайной его происхождения?

— Разумеется, нет, лорд Блакстон, — улыбнулся Мак Лир, — это было бы кощунством по отношению к сотворившему его волшебству. Чтобы сгладить свой отказ я готов подарить вам корзинку таких же цветов, и привезу еще во время следующего визита.

Разумеется, лорд Блакстон всеми возможными способами старался завоевать расположение Мананнана и предложил ему погостить в своем доме до тех пор, пока дела таинственного гостя не будут улажены. Мак Лир с благодарностью согласился и прожил в Донегал три недели, позаботившись, чтобы в комнатах малышки Блодуин каждый день появлялись благоухающие цветы. К концу января он вынужден был уехать к немалому огорчению Джеффри Блакстона и его дочери, которая успела привязаться к обаятельному мужчине.

— Не волнуйтесь Блодуин, — Мак Лир склонил свою светловолосую голову перед юной госпожой, — наша разлука не будет долгой, потому что я проникся к вам любовью.

Слова Мананнана подняли настроение девочки, и меланхолия оставила ее. С наступлением холодов она играла в снежки, строила ледяные замки и сопровождала отца в конных прогулках по его владениям. Во время одной из таких прогулок лорд Блакстон и его дочь встретились с местным

католическим священником, отцом Фоули. Он хотел обратиться к лорду с какой-то просьбой, когда заметил свежие бутоны, вплетенные в волосы девочки.

— Дьявольщина, — воскликнул священник, — происки Сатаны! — Что ты мелешь, дурак?! — рявкнул на него Джеффри.

— До меня дошли слухи, что вы принимаете у себя Мананнана Мак Лира, — быстро заговорил Фоули. — Я вижу, это правда. Умоляю, лорд Блакстон, прогоните этого язычника!

— Пошел прочь, аспид! — лорд замахнулся на священника кнутом. — Хорошо, я ухожу. Но умоляю, подумайте о душе дочери.

Он завернул лошадь и ускакал прочь. Настроение было безнадежно испорчено и Блакстоны вернулись домой.

Следующей ночью Блoduин проснулась из-за того, что кто-то постучал в окно. Она встала с постели и подошла посмотреть, кто разбудил ее. Никакого страха девочка не чувствовала, с детства ее окружали только забота и всеобщее преклонение, поэтому она свыклась с мыслью о том, что весь мир существует исключительно чтобы развлекать и баловать ее. Когда Блoduин приблизилась к окну, то увидела, что с другой стороны замерзшего стекла на нее смотрит коротышка в зеленом камзоле. Девочка смело открыла окно и впустила его, карлик тотчас спрыгнул на пол и поклонился.

— Прекрасная госпожа, мой хозяин приглашает вас прокатиться с ним под луной.

Блoduин выглянула в окно и увидела запряженные белыми лошадьми большие красивые сани. На них, кутаясь в пышные меха, восседал Мананнан Мак Лир. Блoduин знала, как отец высоко ценит Мананнана, поэтому она и подумать не могла, что ночная прогулка с ним может опечалить лорда Блакстона.

— Сир Мананнан, — девочка захлопала в ладоши, — какие у вас чудесные кони!

Она выпрыгнула из окна и забралась в сани. Мужчина заботливо закутал Блодуин в теплую шубу. Занявший место возничего карлик щелкнул кнутом, и сани помчались по снежной равнине, сопровождаемые веселым звоном колокольчиков. Блодуин смеялась и пыталась поймать застывшую в небе луну. Мананнан развлекал девочку шутками и кормил сладостями, которые как по волшебству появлялись у него в руках. Дочь лорда Блакстона встревожилась, только когда из ночной дымки показались мрачные разрушенные стены.

— Я знаю, где мы! — воскликнула девочка. — Это холм Гринэн.

— Вы правы, госпожа, — кивнул Мананнан. — Поднимается ветер, а я не хочу, чтобы вы замерзли и простудились. Приглашаю вас к себе домой.

— Домой? Вы живете...

— На холме Гринэн? — улыбнулся Мананнан. — Конечно же, нет! Моя обитель совсем в другом месте.

— Где же?

— Это секрет, волшебная тайна. Вы примите мое приглашение?

Блодуин задумалась, ей было не по себе от вида руин на вершине холма, но Мананнан был прав — ветер усиливался, и обратный путь к усадьбе занял бы немало времени.

— Хорошо, — сказала Блодуин, — я согласна.

Едва она произнесла эти слова, как правивший лошадьми карлик неприятно, скрипуче рассмеялся. Блодуин вздрогнула, посмотрела на странного кучера и впервые заметила его уродливые крысиные глазки и мелкие острые зубы. Это зрелище отрезвило ее: девочка вспомнила все страшные сказки, которые слышала от служанок.

— Отвезите меня домой, — попросила Блодуин.

Сани тотчас остановились, лицо Мананнана скривилось, и он сухо произнес:

— Но дорогая, вы уже согласились...

Блодуин не дослушала, она выпрыгнула из саней и побежала прочь. При этом она так сильно ударилась об острые поручни подбородком, что рассекла его до крови. Девочка долго бежала, спотыкаясь, проваливаясь в глубокий снег и зажимая руками кровоточащую рану. Никто не преследовал ее. Когда мисс Блакстон оглянулась — упряжка белоснежных лошадей, сани, кучер и господин Мак Лир исчезли. В одной тонкой ночной рубашке девочка оказалась посреди заснеженной пустоши.

Ее нашли ранним утром, замерзшую до полусмерти. Когда Блодуин рассказала отцу о ночном госте — лорд Блакстон разослал людей по округе с приказом найти и схватить Мананнана. Поиски оказались безуспешными. Местные жители, получив весть об облавах, бросали свои дома и уходили в бега, а те, кого удавалось поймать, съезживались от страха и теряли дар речи, едва услышав о Мак Лире. Блодуин так и не оправилась после обморожения. Она умерла через два дня после злополучной поездки. Лорд Блакстон приказал сжечь все нашедшиеся в доме цветы и закрылся в своем кабинете. Он как раз приканчивал бутылку виски, когда к нему пожаловал отец Фоули.

— Кто вас впустил? — прорычал лорд Блакстон.

— Ваши слуги ирландцы, а значит, добрые католики, — объяснил священник.

— Убирайся, или я велю спустить на тебя собак, — проворчал Джефффри и потянулся за бокалом.

— Я здесь не ради вас, — сказал Фоули, — похороны назначены на завтрашний день, а у вас нет священника.

— Пошел прочь!

— Я пытался предупредить вас. Мне давно известно, что Мананнан Мак Лир вызывает у суеверных людей ужас по всей Ирландии. Ваша дочь — не первая кого он похитил. Осмелюсь предположить, что ей даже повезло.

Джеффри попытался подняться, но к тому времени он слишком много выпил, и потому с бессильным стоном повалился назад в кресло.

— Другие родители даже не смогли похоронить своих детей. Вы не ирландец, потому не знаете наших легенд о сидах, волшебном народе. Ваша дочь мертва, но она, по крайней мере, спасла свою бессмертную душу. Я должен отпеть ее как можно скорее, иначе храбрость, которую она проявила, может оказаться напрасной.

— Я послал за священником в Дублин, — глухо проговорил Джеффри.

— Он прибудет только послезавтра вечером, а туман опускается, — Фоули покачал головой. — Прошу вас, лорд Блакстон. Подумайте о Блодуин. Подумайте о своей дочери!

Джеффри обхватил голову и застонал.

— Хорошо! Я согласен, делай что нужно...

Похороны прошли в тот же день. Лорд Блакстон, осунувшийся, не до конца протрезвевший плакал, как ребенок когда гроб опускали в могилу. Фоули провел похороны по католическому обряду и договорился освятить крест, который будет установлен в следующем году.

В ночь после похорон Джеффри приснился жуткий кошмар. Он видел свою дочь погребенной заживо. Блодуин царапала руками крышку гроба и звала на помощь. Лорд Блакстон проснулся в холодном поту. Он быстро набросил плащ, схватил пистолет и выбежал из спальни. Не заботясь о том, что его шаги могут разбудить челядь, лорд Блакстон спустился по лестнице,

распахнул дверь и выбежал из дома. Он остановился только возле могилы, упал рядом с ней на колени. Из груди мужчину вырвался протяжный стон.

— Я принес лопату.

Джеффри вздрогнул и поднял голову. Отец Фоули стоял над могилой. Как и лорд Блакстон, он был наспех одет и дрожал от холода.

— По-видимому, нам приснился один и тот же сон, — сказал священник. — Если мы ошибаемся, то совершаем страшный грех...

— Не стойте так, — взвыл Джеффри, — начинайте копать!

Вместе мужчины быстро разрыли свежую могилу, и очистили гроб. Они просунули под крышку лезвие лопаты и навалились на рукоять. Со зловещим скрипом гвозди отошли... Лорд Блакстон отшатнулся, прикрыл нос руками. Вместо тела Блoduин гроб был наполнен черной болотной жижей и тиной.

— Черт возьми! Кто сделал такое с моей дочерью?!

— Я опоздал, — скорбно проговорил Фоули, — мои молитвы не спасли бедняжку. Мананнан забрал ее.

— Он пробрался сюда и разрыл могилу? — и без того бледное лицо Джеффри стало пепельно-белым от ярости.

— Мы хоронили не вашу дочь, — сказал священник. — Мы закопали куклу из грязи и болотной тины.

— Так она жива! — вскричал Блакстон.

— Лорд Блакстон, остановитесь! — крикнул ему вслед Фоули. — Вы уже ничем ей не поможете!

Но Джеффри не слушал его. Оседлав коня, и не дожидаясь рассвета, он поехал к холму Гринэн. Добравшись до руин, мужчина спешился, выхватил пистолет и закричал:

— Мананнан! Выходи, негодяй! Покажись!

— Я здесь, лорд Блакстон, — откликнулся знакомый голос.

Джеффри обернулся и увидел перед собой Мананнана, совершенно невозмутимого, одетого в тот же неизменный светлый костюм. Блакстон выстрелил. Пуля прошла сквозь Мак Лира навывлет не причинив ему ни малейшего вреда.

— Я разочарован, лорд Блакстон, — Мананнан скорбно покачал головой.

— Где моя дочь?! — заорал Джеффри. — Где Блoduин?

Он попытался ударить похитителя, но тот легко и грациозно уклонился.

— Ваша дочь прекрасна, — улыбнулся мужчина и сверкнул синими глазами.

Блакстон выругался и швырнул в него разряженным пистолетом.

— Довольно, успокойтесь, — Мак Лир поднял свою тонкую руку и щелкнул пальцами.

Джеффри хотел снова кинуться на него, но почувствовал, что его тело сковано невидимыми сетями. Он тотчас вспомнил слова отца Фоули о волшебном народе. Лорд Блакстон не раз слышал, как его служанки шепчутся о сидах, но никогда не принимал эти суеверия всерьез и запретил им рассказывать страшные сказки своей дочери.

Мананнан Мак Лир улыбнулся своими тонкими, бескровными губами.

— Красота, лорд Блакстон, это богатство, — неторопливо проговорил он. — Сущность любого богатства в том, что оно должно кому-то принадлежать.

Джеффри дернулся, его лицо покраснело и стало пунцовым. Он сжимал трясущиеся кулаки и тщетно боролся с невидимыми колдовскими сетями, которые накинуд на него сид.

— Если ты заставил мою дочь...

— Заставил?! — мелодично рассмеялся Мак Лир. — Вечно вы, сыновья Миля, приписываете всем собственные грехи. Да разве смог бы я к чему-то принудить вашу дочь? Она пришла ко мне по доброй воле, потому что я обладаю тем, чего она желает более всего на свете.

— Что?! Что ты наплел ей?

— Молодость, — сид ослепительно улыбнулся. — Вечная молодость. В вашем мире это недостижимая цель, но покинув его, она смогла исполнить свое желание и сохранить свою юность нетронутой, остаться навек прекрасной...

— Зачем?!

— Зачем я согласился помочь ей?

Блакстон отрывисто кивнул.

— Вам лучше других должна быть понятна моя цель, — Мананнан склонил голову. — Красота требует жертв, ради красоты нужно страдать... Ваши тщеславные дамы принимают эти поговорки на свой счет, но они намного древнее, чем вы, дети Миля, можете себе представить.

Он взмахнул рукой и на месте развалин из земли выросли крепостные стены. Жители Донегал не ошибались — эту крепость возвели не люди. Ни один человек не смог бы создать нечто столь же прекрасное и совершенное.

— С древнейших, дочеловеческих времен красота была предметом поклонения, — продолжил сид. — Задолго до того как пришли ваши предки, пораженные страхом перед природой, красоте приносили жертвы.

— Что... что ты несешь?! — выкрикнул Джефффри.

— Вы брали у меня цветы для своей дочери. Стремясь продлить их жизнь, вы вымачивали их в сахаре, приправляли уксусом. Они были вашей жертвой, которую вы смиренно преподносили к ногам вашей богини, —

пояснил Мананнан. — Ваша дочь — прелестный цветок, лорд Блэкстон. И я решил принести ее в жертву своему кумиру. Смею вас заверить, получив такое подношение, она была более чем счастлива.

— Она?

— Эрин, — с любовью произнес Мак Лир. — Моя прекрасная, моя вечная Эрин. Радость и боль моей жизни. Вы когда-нибудь задумывались, есть ли еще где-то в мире остров прекраснее нашей зеленой Эрин?

Он не дождался ответа.

— На свете нет ничего прекраснее, — глаза Мананнана сверкнули, — не раз за обладание ею проливалась кровь, потому что нет такого существа, которое бы, единожды увидев Эрин, не полюбило ее всем своим естеством. Но я один знаю тайну ее необычайного обаяния, ее вечной молодости и красоты...

Мак Лир приблизился к лорду Блэкстону и прошептал ему на ухо:

— Прислушайтесь.

Джеффри дернулся, забился как муха в липкой паутине.

— Вы слышите их? — зашелестел голос Мананаана. — Прислушайтесь к ветру, лорд Блэкстон. Вы услышите их смех, их плачь, их дыхание. Они не мертвы, они живут, заключенные в недрах Эрин, в ее волшебных холмах. Прекрасные цветы, которые я возложил на ее алтарь, и среди них — ваша дочь.

Джеффри почувствовал, как его душат слезы, он запрокинул голову и закричал. Его крик, полный боли и отчаяния, разнесся над укрытой снегом равниной, подхваченный ветром. Мананнан более не считал нужным утруждать себя разговорами. Он поклонился на прощание и скрылся в своей величавой крепости. Когда дверь затворилась за ним, стены начали покрываться трещинами и зарастать мхом, они погружались в землю пока над вершиной

холма не остались лишь венчающие их остроконечные бойницы, сточенные ветром и напоминающие гнилые зубы.

В тот же миг лорд Блэкстон почувствовал, что колдовские пути отпустили его. Он бросился к руинам и голыми руками стал разгребать твердую, мерзлую землю. За этим занятием его и нашли слуги: с безумным взглядом, сбитыми в кровь руками, в яме, которая едва доходила ему до колен. Рассудок Джеффри Блэкстона помутился, но он сумел поведать отцу Фоули о встрече на холме Гринэн. Священник записал его рассказ, и бумага с ним долгие годы хранилась среди других церковных книг графства Донегал.

О дальнейшей судьбе лорда Блэкстона известно немного. Говорят, он до самой смерти не оставил попыток проникнуть в волшебные холмы и провел первые раскопки на холме Гринэн. Говорят, что он окружил себя талисманами и амулетами, которые должны были наносить вред сидам. Соседи перестали общаться с ним, челядь разбежалась, и лорд Блэкстон умер в одиночестве, зимой двадцать лет спустя. Его тело обнаружили в комнате дочери. Джеффри сидел напротив широко раскрытого окна, опершись на подоконник. Одна его рука сжимала оконную раму, другая была вытянута, как будто в попытке что-то поймать. Рот лорда Блэкстона был искривлен в жутком, душераздирающем крике. Конечно же, он замерз и напоминал гротескную ледяную скульптуру, которую не смогли полностью распрямить даже для похорон.

Таков конец истории лорда Джеффри Блэкстона. После его смерти усадьба осталась незаселенной — новый владелец этих земель предпочел держаться подальше от проклятого холма Гринэн. Позже, в годы предшествующие славному восстанию повстанцев-католиков сожгли усадьбу как символ ненавистного англиканского ига. Говорят, ее обугленные останки можно найти по сей день.

Сама по себе легенда о Блэкстонах ничем не примечательна среди других подобных ей ирландских преданий. Меня она заинтересовала по двум причинам: во-первых, Джеффри Блэкстон был моим дальним родичем, хотя и происходил из ветви, отколовшейся от рода йоркширских Блэкстонов. Вторая причина: небольшая колонка в газете «Ньюс Лэттер». Позже я разыскал ее в подшивке за 1886 год и воспроизвожу здесь ее текст с незначительными изменениями:

«Ночью с 31 октября по 1 ноября из психиатрической лечебницы святого Конала, что в городе Леттеркени, графство Донегал, пропала пациентка. Девочка примерно десяти лет, худощавого телосложения, волосы необычного, серебристого цвета. Особые приметы: косой шрам на подбородке. Пациентка страдает потерей памяти. Всем имеющим о ней какую-либо информацию просьба сообщить...»

Пораженный столь странным совпадением, я отправился в Леттеркени и посетил упомянутую в статье лечебницу. Там мне удалось поговорить с нянюшкой, которая ухаживала за исчезнувшей пациенткой.

«Вообще-то мы не разглашаем информацию о наших больных, — шепотом поведала она мне, — но вы же сами понимаете, что это особый случай. Мы ведь оповестили полицию, и все газеты о ней писали. Может быть, кто-то узнает бедняжку? Может быть, даже вы...»

«Возможно», — охотно согласился я.

Я пересказал пожилой даме содержание объявления в «Ньюс Лэттер».

Она покивала и сказала:

«Наверное, они нарочно ошибку сделали, чтобы не будоражить читателей. У девочки никакой потери памяти не было. Она помнила свой дом и своего отца, но часто бредила. Говорила о вещах, которых не бывает и иногда разговаривала с воображаемым собеседником».

«Вещах, которых не бывает?» — переспросил я.

«Ну да, знаете, феи, эльфы. Сказки, — нянюшка грустно улыбнулась, — я не думаю, что это в самом деле был бред. Просто начитанный и мечтательный ребенок. Если бы не обстоятельства, при которых ее нашли — к нам бы она ни за что не попала».

До этого я уже узнал, что девочку нашли вдали от жилья и дорог.

«Как она пропала?» — спросил я.

«Это было на День Всех Святых. Мы его не отмечаем. Страшные видения и без того наших больных тревожат. В ту ночь поднялся страшный ураган, ветер выл как стая волков. Я как раз совершала ночной обход, как вдруг слышу — наверху звон забитого стекла! А потом еще крики. Я сломя голову кинулась в ее комнату, а там пусто. Окно открыто настежь, ветер так качнул створку, что стекло вылетело. Я за сердце схватилась, думала, малышка выпала. Ее комната ведь была на третьем этаже... но, слава богу, под окнами ничего не было...»

«Как вы думаете, что произошло?»

«Думаю, девочка сбежала, спустилась по водосточной трубе и отправилась искать своего папу, бедняжка».

Я не стал спорить, потому что нянюшка выглядела очень упрямой женщиной и вряд ли стала бы слушать чепуху про детей, похищенных сидами. Я покинул Леттеркени вечером того же дня. Небо заволокли тучи, шел дождь. На горизонте сверкали вспышки зарниц и изредка, когда ветер утихал, были слышны далекие раскаты грома.

Я думал о дочери лорда Блэкстона. Возможно, она скитается сейчас по холодным ночным улицам, одинокая в этом незнакомом для нее мире. Возможно, Мананнан Мак Лир вернулся за ней и вновь увез в страну вечной молодости. Я не исключаю возможности и того, что это простое совпадение

и несчастная беглянка не имеет никакого отношения к истории рода Блэкстонов.

Мой экипаж сильно трясся по разбитой дороге, по его крыше барабанил дождь. Я думал о далекой грозе.

16 марта 1900 года.